

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ ДИАЛОГ ПО ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ: ЧЕГО ОЖИДАТЬ?

Тема российско-американского диалога по ядерному разоружению тем актуальнее, чем ближе Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г., так как во многом исход этой конференции будет зависеть от того, насколько между собой смогут договориться два главных обладателя ядерного оружия – Россия и США. Наиболее острый вопрос – каким будет новый договор между Россией и США, который, как договорились президенты России и США в Лондоне 1 апреля 2009 г., придет на смену СНВ-1? При этом круг вопросов не сводится исключительно к ядерным арсеналам и их сокращению: на повестке дня широкий спектр взаимоотношений между двумя странами.

Как должна действовать Россия в вопросе о СНВ? Какие практические плоскости взаимодействия существуют? Какие проблемы необходимо решить двум странам? На эти вопросы отвечают участники дискуссии: заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения Министерства иностранных дел РФ С.М. Кошелев; президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский; консультант Московского центра Карнеги В.З. Дворкин; директор Центра разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института А.С. Дьяков; генерал-лейтенант (в отставке), старший советник ПИР-Центра Г.М. Евстафьев; советник начальника Генерального Штаба ВС РФ А.В. Радчук; советник управления аппарата Совета безопасности РФ О.Д. Ходырев; а также председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. Тимербаев¹.

С.М. КОШЕЛЕВ (МИД РФ): Позиция Российской Федерации в отношении будущего договора сформирована достаточно давно, но сформирована она лишь в принципиальном плане. Говорить о российской позиции, не зная позиции Соединенных Штатов, было бы, по крайней мере, несправедливо. В МИД РФ нет разделения политики США на политику демократической и республиканской партии. Есть Соединенные Штаты Америки, есть президент США, который формулирует внешнеполитическую линию своей страны. Поэтому в МИД РФ с огромным желанием сегодня смотрят и ждут. Президентом, а тогда еще кандидатом в президенты США – Барак Обама – было сказано очень много исключительно позитивных слов в ходе предвыборной кампании.

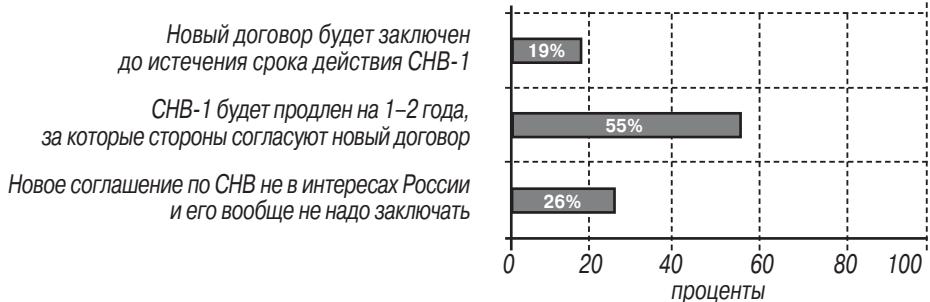
В настоящий момент мы ждем, когда все эти обещания будут конвертированы в конкретные шаги. Поэтому сегодня мы видим очень много обсуждений насчет статей, утечек о том, что Барак Обама предложил Дмитрию Медведеву на 80% сократить ядерный арсенал, о том, что это своего рода штамп, что Россия ввела мораторий или прекратила развертывание ракет *Искандер*.

Мы понимаем тот огромный интерес, который ко всем этим проблемам существует, особенно в экспертном сообществе. Но говорить сегодня необходимо только о тех реальных заявлениях американской администрации – прошлой и нынешней – и о тех конкретных предложениях, которые официально лежат на столе переговоров. Международные документы не создаются через прессу. Они не создаются путем утечек. Иногда,

Каковы перспективы заключения нового российско-американского соглашения по СНВ?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра www.pircenter.org. Опрос проводился с 1 февраля по 15 мая 2009 г.

чтобы разогреть какой-то интерес, можно сделать какую-то утечку, чтобы тактически обыграть свою позицию. Но серьезные договоренности, серьезные соглашения создаются за столом переговоров.

Уже после окончания переговоров по Договору СНВ-1 и Договору СНП опыт и преемственность в ведении переговоров с американцами в значительной степени утрачены. Именно с американцами. И у США, и у России этот опыт в значительной степени утрачен. Примером может служить встреча в Риме в 2007 г. (это была последняя очень серьезная встреча по договору на замену Договора СНВ). С российской стороны присутствовал только один человек, который прекрасно знает тематику переговоров с США, – ныне покойный Л.А. Мастерков. И со стороны США – Джеймс Тимби, который тоже великолепно знает всю эту проблематику. С двух сторон оставалось по одному-два человека, которые очень хорошо знают переговорную кухню. Таких людей осталось мало. А переговоры делаются именно такими энтузиастами.

Хотелось бы привлечь внимание к двум очень толковым статьям, которые были опубликованы в последнее время в российской прессе. Это, прежде всего, «Новый Договор СНВ-1: базовые принципы документа» генерал-полковника, консультанта командующего войсками стратегического назначения МО РФ В.И. Есина в *Независимом Военном Обзрении*. Что касается политических аспектов будущего договора, то хотелось бы поблагодарить Г.М. Евстафьева, поскольку его публикация в *Известиях* «Подводные камни американской инициативы» – это именно те проблемные и узловые вопросы, которые предстоит решать в ходе переговоров с США.

Разоруженческие документы делаются только при определенной благоприятной политической обстановке. Неслучайно на обзорной конференции ДНЯО 2000 г. согласовались *13 шагов в области ядерного разоружения*. Эти 13 шагов и были теми условиями, той международной обстановкой, точнее, определяли параметры той международной обстановки, в которой возможны реальные сокращения ядерных вооружений.

Сегодня (выступление было сделано 5 марта 2009 г. – **Ред.**) говорить о том, что мы можем гарантированно выйти на новый документ к 5 декабря либо к обзорной конференции, невозможно. Прежде всего, необходимо четкое изменение климата в отношениях России и США.

Когда еще осенью 2008 г. одна высокая договаривающаяся сторона говорила о необходимости наказать другую высокую договаривающуюся сторону, то в таких условиях достичь консенсуса, какой-либо договоренности и согласия было просто невозможно. Прежде чем говорить о каких-то серьезных договоренностях, нам нужно *перелистнуть страницу* и провести черту под теми разногласиями, которые возникли в последние ме-

саяцы правления республиканской администрации. У нас имеются рабочие контакты с Роуз Геттемюллер, которая станет главным переговорщиком США по вопросам СНВ, по вопросам Договора об обычных вооружениях в Европе и будет также вести тематику военного космоса. Это исключительно серьезный, исключительно грамотный специалист. Понимаем, что предстоящие переговоры будут очень непростыми.

Другой вопрос – что делать и сможем ли мы успеть сделать новое соглашение до 5 декабря 2009 г.? В Москве мнение людей, которые принимают решение по этому вопросу, – 50 на 50. Есть мысль о том, что лучше и легче было бы продлить Договор. И есть люди, которые считают, что это будет крайне тяжело. При этом продление Договора, либо продление элементов Договора СНВ-1 в любом случае потребует ратификации.

А если договор не будет готов 5 декабря – так ли сегодня для нас важна вот эта юридическая пустота, или *правовой вакуум*, если Договор СНВ прекратит свое существование? Есть две школы и в США, и в России. Очень много было сказано разных слов, когда Соединенные Штаты приняли решение о выходе из Договора по ПРО. И в конечном итоге, несмотря на то, что в России этот шаг был оценен как ошибочный, каких-то серьезных последствий для стратегической обстановки в отношениях России и США не произошло.

В связи с этим – что произойдет, если 5 декабря мы не будем иметь новый Договор, а старый Договор не будет продлен? Будет действовать Договор СНП. Естественно, в ущербном виде. Естественно, без процедур верификации, но из этой ситуации можно выйти, например, с политическим заявлением президентов двух стран, которые подтверждали бы принципы сдержанности в области стратегических наступательных вооружений.

Гораздо важнее было бы, чтобы мы не делали договор в спешке, как СНП, чтобы качество договора не приносилось в жертву каким-то срокам. Если бы у нас было больше времени, а мы предлагали американской стороне с 2005 г. начать такую работу, качество документа могло бы быть лучше.

Но все это теоретические разговоры, потому что до сегодняшнего дня каких-либо четких сигналов со стороны новой администрации о том, что завершен обзор политики и что они готовы обозначить свои принципиальные подходы по новому договору, у нас нет. Были ссылки на некие параметры будущего договора в письме Барака Обамы Дмитрию Медведеву. В начале марта 2009 г. на Совете управляющих МАГАТЭ в Вене представитель США при МАГАТЭ Грегори Шульте в своем выступлении отметил, что США готовы [U.S. is ready for dramatic reduction] к радикальному сокращению стратегических наступательных вооружений. Это первый официальный сигнал от американской администрации о том, что нынешняя администрация готова двигаться по пути сокращения стратегических наступательных вооружений.

Главное, что нам не удалось решить с предыдущей американской администрацией, – определить предмет будущей договоренности. Когда мы говорим о предмете будущей договоренности – это, прежде всего, охват договора. Российская сторона исходила прежде и до сих пор исходит из того, что для Российской Федерации основа будущего соглашения – это положение Договора СНВ 1991 г. и 1994 г., что, прежде всего, предусматривает правила расчета и соответствующие определения, которые есть в Договоре СНВ. Кроме того, Договор должен быть юридически обязывающим, эффективно проверяемым. То есть должны быть меры контроля. Это также предусматривает необходимость рассмотрения вопроса о СНВ в обычном оснащении, и это предусматривает также запрет на размещение стратегических наступательных вооружений за пределами национальной территории. Это именно те принципиальные моменты, по которым позиции российской делегации и США в корне расходятся. Поэтому на сегодняшний момент предмета для договоренностей по большому счету не существует. Россия будет ждать тех сигналов, которые пошлет американская администрация.

Есть один исключительно важный момент в стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружениях. Начиная с подписания и ратификации Договора по ПРО 1972 г., во всех документах фиксировалась их взаимозависимость. Имеется она в СНВ-1 и СНВ-2. Эти же вопросы рассматривались при подписании Договора СНП.

Российская сторона будет настаивать на том, что эти вопросы взаимозависимости противоракетной обороны (развертывания элементов глобальной ПРО) и вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений должны быть зафиксированы в новом документе.

Другой важный для Российской Федерации вопрос, который должен лежать в русле наших переговоров с США, связан с дестабилизирующими последствиями размещения ударного оружия в космическом пространстве. Мы также будем продолжать включать эту тему в контекст переговоров с Соединенными Штатами. Поскольку реализация концепции *глобального молниеносного удара*, когда в течение часа по любой цели в любой точке земного шара может быть нанесен ракетный удар, носит весьма дестабилизирующий характер. Россия не может ее не учитывать. Это важнейший элемент стратегических отношений между Россией и США.

Е.Я. САТАНОВСКИЙ (ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА): Причина, по которой ни Россия, ни США не стремятся к выполнению в срок соглашений, о чем бы они ни договаривались, – в отсутствии стимула. Мы больше не лежим на прокрустовом ложе возможности взаимного уничтожения. Никто не будет бомбить страну, в которую вложены сотни миллионов и миллиарды долларов, причем это обоюдно, если вспомнить о том, что Россия занимает пятое место в мире по вложениям в государственные обязательства США. Да и не совсем понятно, о чем мы, собственно, будем договариваться. Когда мы смертельно боимся друг друга, было о чем договориться. Но теперь-то мы друг друга не боимся и, значит, никуда не торопимся. Притом друг другу мы не доверяем, как и 20 лет назад. И поскольку мы и не боимся, и не доверяем, то до чего-то договориться можем только в отдельно взятых вопросах не слишком серьезного уровня.

Говорить о глобальном разоружении – все равно что рассуждать, когда исполнятся заповеди или когда Мессия придет на Землю. Последнего ждем уже несколько тысяч лет. Он, наверное, придет, но пока его нет, может, стоит заняться другими делами, кроме разговоров о глобальном разоружении? В частности, в ближайший год наступает пора, когда необходимо заняться сохранностью и безопасностью ядерного оружия в мире. Я говорю даже не об иранской ядерной бомбе, полагая, что она вскоре появится, но иранский режим достаточно стабилен, чтобы эта проблема была не самой острой. Но на повестке дня проблема Пакистана. Несколько десятков ядерных зарядов в Пакистане, в стране, *демократизированной* до состояния, когда она может распасться, на территории которой действует *Аль-Каида*, где укрепляется движение *Талибан*, могут попасть в руки этих организаций. Поэтому все благостные разговоры о *глобальном нуле* лучше, пока не поздно, заменить решением простых практических вопросов, связанных в том числе с возможным появлением ядерной бомбы на *свободном рынке*. В первую же очередь необходимо выработать механизмы взаимодействия ядерных держав в режиме быстрого и чрезвычайного реагирования.

В.З. ДВОРКИН (МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ): Накануне в Вашингтоне проводились консультации и обсуждались проблемы нового Договора СНВ и третьего позиционного района ПРО, прежде всего, в Совете национальной безопасности США, Национальной академии наук США и в Фонде Карнеги. Там были и официальные, и неофициальные лица, в том числе и Роберт Айнхорн и Роуз Геттемюллер, которые были еще в неофициальном качестве и поэтому выражали свое мнение по поводу бывших руководителей американской делегации по переговорам по СНВ-2 очень осторожно. Кстати, тот факт, что Боб Айнхорн и Роуз Геттемюллер будут переговорщиками с американской стороны, чрезвычайно осложнит процесс переговоров для России, потому что никто так хорошо не знает все слабости и тонкости российской ядерной политики и состояние ядерных сил, как Роуз Геттемюллер.

В процессе обсуждения этих вопросов сложился оптимальный консенсус, связанный с тем, что при наличии политической воли можно если не ратифицировать, то до конца 2009 г. подписать новый договор о стратегических наступательных вооружениях, юридически обязывающий, включающий меры контроля. И это будет не вместо Московского договора СНП, который будет включен туда как действующий, ратифицированный договор со своими сроками и будет контролировать новый договор. В США нет сторонни-

ков продления Договора СНВ-1: проводить переговоры с Украиной, Белоруссией, Казахстаном – вряд ли это там кому-нибудь нужно. Наши американские коллеги были согласны с тем, что новый договор должен включать в себя и правила подсчета. Они поняли нашу озабоченность по возвратным потенциалам, связанным с правилами расчета (речь даже шла о том, что могут быть предприняты такие технологические меры, как, например, приведение в негодность до загрузки подводных лодок). США никогда не будут резать свои подводные лодки, но этот вопрос в принципе решаем, безусловно, проблемой чрезвычайно много. Уже существует общее понимание, на какую часть могут быть сокращены инспекции, квоты по ежегодным инспекциям, как можно трансформировать или уменьшить процесс, связанный с набором уведомлений. Необходима только политическая воля.

Сейчас основной вопрос – третий позиционный район ПРО – несколько смягчен из-за менее жесткой позиции президента Обамы и путей разрешения иранского ракетно-ядерного кризиса. При этом по всем вопросам видится общее понимание, хотя официальные американские представители говорят, что их позиции не сформированы до конца, так же как и позиции России. Российская позиция выжидания отдает некоторым инфантилизмом, потому что сейчас самое подходящее время для активных действий в этом вопросе. К апрелю 2009 г. теоретически и Россия, и США уже могли бы обменяться своими проектами нового договора. Вопрос в том, сделают они это или нет. При этом складывается твердое убеждение, что проекты к этому времени будут в основном готовы.

Переговоры будут чрезвычайно сложными. Уровень должен быть ниже, чем в Московском договоре: 1500–1000 единиц или ниже. Но все детали потребуют значительных усилий от переговорщиков, которые должны быть исключительно высококвалифицированными.

А.С. ДЬЯКОВ (МФТИ): Во-первых, нам нужен новый договор, потому что продление СНВ – это не плюс и не решение проблем, которые сейчас имеются. Нужно работать над новым договором, и при желании можно достичь согласия.

Во-вторых, в США сохраняется стремление к обсуждению достаточно широкого круга вопросов, которые предполагается решить на официальных переговорах. И это не только вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений, но также вопросы тактического оружия и прочее. При таком раскладе достичь решения в ближайшее время будет чрезвычайно трудно, если это вообще возможно.

По выступлению С.М. Кошелева ясно, что на предстоящих переговорах Россия заинтересована не только в ограничении боезарядов, но и в наложении ограничения на средства доставки. Этот вопрос поднимался нами в Вашингтоне и только один раз был дан не очень внятный ответ – касательно возможности *неиспользования* всех пусковых труб на подлодках. Интересно, готовы ли США уничтожать ракеты (например, *Трайдент* и *Минитмен*, которые пока складированы и не уничтожены). До сих пор США этого не делали. Российская сторона это делала.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): В свое время господин Джон Болтон под руководством вице-президента США Дика Чейни и Дональда Рамсфелда разрушили всю систему ведения переговоров, которая была создана еще в советские времена между Россией и Соединенными Штатами по стратегическим вооружениям, и очень сильно *поломали* хотя и существующую до сих пор структуру отношений в плане переговоров по обычным вооружениям. Тогда работали очень грамотные и умные люди, обладавшие большим набором знаний и опыта. В связи с этим возникает вопрос: как, когда и как быстро американская сторона сможет восстановить свои переговорные кадровые возможности по продолжению разговоров с нами? Российская сторона хотя и сохранила определенное количество кадров, но тоже имеет некоторые слабости.

Когда В.В. Путин выступил 27 июня 2006 г. с предложением возобновить переговоры по СНВ-1, проблема была не только в том, что администрация не была готова, но и в том, что не было кадров. Это напоминает ситуацию, когда в свое время в Госдепартаменте США разогнали блестящих специалистов по Китаю, которых, наверное, не было

ни у одной другой страны, а потом 10 лет не знали, как подойти к Китаю. И тут получилась такая же *интересная* ситуация. В результате получается очень упрощенный взгляд на вещи.

Ситуация непростая, потому что быстрого заключения большого соглашения не будет. Это очевидно, потому что настолько предшествующая команда республиканцев испортила отношения, настолько она испортила о себе мнение, и не только о себе, но и о США, что потребуются определенное время для восстановления отношений на различных направлениях.

Вырвать, несмотря на всю актуальность, вопрос СНВ-1 из контекста общих отношений невозможно. Это могут сделать только профессионалы разоруженческо-стратегических направлений. Они могут теоретически смотреть и думать, как можно все это стратегически сделать. Этому должна предшествовать большая теоретическая работа между Россией и Соединенными Штатами на всех уровнях, потому что речь может идти о стратегической стабильности на сильно пониженных уровнях ядерных вооружений. Сейчас в российских взглядах ядерное вооружение играет очень значительную роль. Чтобы прийти к заключению нового соглашения, нужно совместное обсуждение *болевых точек* каждой стороны.

На фоне крупного военного преимущества США, не только финансового, но и военнотехнического, возникает целый ряд вопросов. Совершенно очевидно, что встанут вопросы тактического ядерного оружия (ТЯО). Для России вопросы ТЯО в контексте общей стратегической безопасности играют колоссальную роль. Для США такой роли они не играют. Как это все совместить? Это не может вырываться из контекста. Это пакет.

Помочь здесь может создание двусторонней группы специалистов, как на официальном, так и неофициальном уровне, которые знают все аспекты проблемы стратегической стабильности ядерных и других вооружений, должны обсудить и найти точки соприкосновения и взаимодействия. Но пока никто ничего не делает. А все только говорят, что к концу этого года мы все подпишем, мы согласуем какой-то договор, непонятно какой. На какой основе? Есть национальная безопасность, в ней соглашение о стратегических вооружениях – это только одна из составных частей. Надо подумать, насколько готовы наши переговорные команды к этому. Есть ли у них достаточный материал для ведения переговоров и есть ли у них люди? Преодолеем ли мы *синдром Болтона*, который рассматривал этот вопрос как скоротечный переговорный процесс? Это, в отличие от прошлых времен, большая работа по пониманию самой природы стратегической стабильности в обозримом будущем.

Существует мнение, что пока мы дойдем до такого уровня ядерных вооружений, когда можно будет ставить вопрос перед другими ядерными державами, пройдет достаточно много времени. Тем не менее, уже сейчас нужно искать варианты постепенного подключения Франции и Китая. Нужно отдать должное англичанам – они все же над этими вопросами думают. Существует несколько *де-факто* ядерных государств, которые не придерживаются никаких ограничений. Индия и Пакистан – они никаких ограничений не придерживаются, но являются составными частями ядерного уравнения, хотя при этом они ничего не решают. Нужно найти способ заставить их, *во-первых*, быть транспарентными и, *во-вторых*, взять на себя серьезнейшие ограничения. Разоружение Пакистана должно происходить не силой давления, а силой убеждения. Со временем это все придет. Но нужно уже сейчас иметь совместные планы (как альтернативу односторонним действиям США в отношении Пакистана). Если Россия и США совместно не будут решать эту проблему, никакого доверия между ними не будет.

А.В. РАДЧУК (ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВС РФ): Существует мнение, что надо стремиться к *ядерному нулю*, но вот когда мы достигнем этого нуля, хорошо было бы сохранить еще и ядерную инфраструктуру, которая потом при необходимости будет использована. В связи с этим возникает вопрос, предусматривает ли *ядерный ноль* обнуление только ядерных зарядов, материалов, технологий или также промышленности, производящей ядерные боеприпасы, специалистов, знающих, как эти боеприпасы создавать и поддерживать в безопасном состоянии, военных, которые могут применять эти боеприпасы

вместе с носителями, носители орудия, промышленную базу этого оружия, космодромы и т.д. В связи с этим возникает мысль: если будет достигнут *полномасштабный ядерный ноль*, то о какой ядерной инфраструктуре можно будет говорить, и как это будет взаимодействовать? И самое главное – у кого и под каким контролем будет эта ядерная инфраструктура? Как известно, международные механизмы действуют не вполне эффективно, начиная от борьбы с сомалийскими пиратами, кончая срочными решениями по корейским вопросам и т.д. Успеет ли мы отреагировать на некую ядерную угрозу, при которой будет задействована ядерная инфраструктура?

Что касается нового договора, то вопрос заключается в том, хотят ли, готовы ли и могут ли стороны договариваться. Существует мнение, что команда президента Буша сделала все, что могла, чтобы разрушить принцип ведения переговоров. Но не стоит забывать, что и команда Билла Клинтона тоже внесла свой *достойный* вклад если не в демонтаж, то в радикальную трансформацию этой системы. Если обращаться к истории, то можно вспомнить первый договор по ограничению стратегических вооружений 1972 г. До 1972 г. не существовало никаких ограничений вообще в стратегическом плане на ядерное вооружение. До 1991 г. реально не существовало и системы контроля. Стороны заявляли о намерениях, но системы контроля не было. К 1991 г. был достигнут максимум по ядерным зарядам, которыми владели стороны. Когда появился Договор ОСВ? Когда у СССР стало чуть больше 50 кт по ядерным зарядам, чем было у США. Слегка перевалили за 50%. Подумали, подсчитали и решили, что надо бы ограничить. Договорились. Но увидели, что результата нет – попробовали ограничить и по качеству. В итоге появился Договор ОСВ-2. Потом начался период гласности, перестройки и всего прочего, и мы, наконец, поняли, что можем честно договориться по конкретным делам. Но пришла команда Клинтона. Не успели мы еще ратифицировать Договор СНВ-1, как начали переговоры по Договору СНВ-2, не успели написать и ратифицировать Договор СНВ-2, началась работа над СНВ-3.

Есть различные способы ведения переговоров. В том случае был традиционный торг. В 1991 г. Советскому Союзу было чем торговать: тяжелые ракеты, подвижные комплексы и т.д. Американцы бились за бомбардировщики, русские бились против крылатых ракет. *Чтобы что-то ненужное продать, надо что-то ненужное купить.* У России было что продавать. В 1991 г. закончилось, что продавать, и когда это поняли, то вопроса не стало. И вот что мы видим – Договор СНП. Очень много было нареканий на него. Но в то время это было единственно возможное – действительно зафиксировать уровень взаимодействия и некую декларацию о намерениях. И возникает такой вопрос, может быть, несколько провокационный, – так, может, и хорошо, что больше той команды переговорщиков нет? С другой стороны, нет людей, которые привыкли вести такой традиционный торг, по миллиметру выторговывая друг у друга что-то на что-то. Тогда, может быть, пора и формировать эту новую повестку переговоров и взаимоотношений?

Сегодня вполне нормальное время для взятия паузы, тем более что если говорить о предмете, то непонятно, о чем договариваться? Сначала говорили об ограничении стратегических вооружений, увязывая их с наступательными. Потом стратегические выпали, но в увязке с ПРО. Потом наступательные выпали, остались только потенциалы. Поэтому предмет исчерпан. Мы говорим о стратегических наступательных вооружениях, что опять увяжет и наступательные, и оборонительные вооружения. При этом у американцев много преимуществ. Прежде всего, это замечательная школа переговоров, которая состоит из традиционного торга и заключается в том, что надо, *во-первых*, определять предмет переговоров. Нормальный процесс переговоров может начаться только с определения предмета. Необходимо очертить круг реальных возможностей, определить интересы сторон.

Говорить сейчас о переговорах по некоторым вопросам (количество носителей, зарядов) рано. Нужно определить, *во-первых*, должны ли ядерные силы сторон решать конкретные задачи или же они существуют *для красоты*. *Во-вторых*, следует сказать, что СНВ и ПРО взаимосвязаны. *В-третьих*, с одной стороны, эти ограничения должны не мешать развиваться ядерным силам страны. С другой стороны, не давать противнику, или партнеру, вырваться вперед. И, *в-четвертых*, система контроля. Сколько было

заявлений с российской стороны о сотнях и тысячах нарушений, препятствовании контролю и т.д.

Если мы опять будет стараться сделать переговоры локомотивом наших отношений, то ничего не получится. И успешное решение этого вопроса может быть только после того, как мы начнем сотрудничать.

О.Д. ХОДЫРЕВ (СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ РФ): Если мы будем пытаться подойти к самому началу процесса заключения нового договора, то в первую очередь нужно говорить о необходимости возобновления доверия, которое было подорвано за последние годы. И, несмотря на то, что мы, действительно, можем приветствовать позитивные устремления нового президента США Барака Обамы, без обращения к реальному, конкретному доверию с проверками, с юридически обязывающими договоренностями говорить о том, что договор будет иметь перспективное будущее, нельзя.

Любой процесс, касающийся разоружения, является очень недешевым. Безусловно, нужно меньше средств выделять на вооружения, но и сам процесс разоружения очень дорогой.

Невозможно вырабатывать какой-либо договор, не принимая и не урегулировав ряд побочных проблем, без понимания и разрешения которых просто эти договоры будут *висеть в воздухе*.

Р.М. ТИМЕРБАЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Хотя ядерное сдерживание, как считается, поддерживает глобальную и региональную стабильность, у него все-таки довольно зыбкая основа, поскольку оно зависит от многих факторов, многие из которых создают неопределенность. В частности, от человеческого фактора. Конечно, важно, что ядерное оружие не применялось 60 с лишним лет – это достижение. Но как долго это будет продолжаться, гарантии никто дать не может, потому что человек – существо, которое делает ошибки. Поэтому держаться на сдерживании бесконечно долго невозможно. Можно еще какое-то время просуществовать, но нужно искать выход из этой неопределенности, которую мы создали для себя 60 с лишним лет назад.

Что касается ядерного разоружения, то тут возникает множество вопросов. Если две основные ядерные державы будут вести дело к существенным, радикальным сокращениям, то встанет вопрос о Китае, Франции, Великобритании и других ядерных государствах. Когда вопрос о других ядерных государствах обсуждался в начале переговоров в 1970-х гг., то он не был столь актуальным, потому что у СССР и США было столько единиц ядерного оружия, что можно было и не учитывать другие страны. А сейчас у них ведь несколько сот единиц. Поэтому, когда мы начнем сокращать ядерное оружие, нам это все нужно будет иметь в виду. Вопросов много. Тем не менее, не нужно опускать руки. О величине и о количестве все будет решаться главным образом по соображениям высокой политики. Как пойдут наши отношения вообще, мы пока не знаем. И с кадрами разоруженцев сейчас неважно. Но придется восстанавливать кадры квалифицированных переговорщиков.

Примечание

¹ Дискуссия состоялась на круглом столе на тему «Российско-американский диалог в области ядерного разоружения: чего ожидать?», организованном ПИР-Центром 5 марта 2009 г. в рамках совместного проекта с фондом «Инициатива по сокращению ядерной угрозы (NTI)» «Пути ядерного разоружения».